

**ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ НА УКРАИНЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Вавилов А.Н.¹

Аннотация. Практическая реализация политики национальной консолидации испытывала на себе сильное воздействие таких факторов, как отсутствие сформированной и укорененной в массовом сознании общеукраинской идентичности, наличие глубоких и разноплановых региональных различий, а также социокультурная близость украинцев и русских, что особенно характерно для юго-восточных областей страны.

Цель статьи заключается в исследовании теоретических и практических аспектов становления политической нации на Украине после обретения суверенитета в 1991 году.

Рассмотрены этнический и политический подходы к трактовке понятия «нация», а также отдельные теоретические модели формирования политической нации на Украине.

Методология исследования заключалась в систематическом анализе фактов и явлений, способствующих консолидации Украины, а также в изучении политических факторов, оказывающих влияние на данный процесс. В результате исследования выявлено, что задача национальной консолидации стала выступать в качестве приоритета политики государственного строительства и приобрела форму украинизации различных сфер жизни общества.

Пример политики в языковой сфере показывает, что данная стратегия осуществлялась форсированными темпами и опиралась на практику административного давления и запретов, что не способствовало гармонизации социальных отношений и укреплению единства украинского общества.

Ключевые слова: Украина, нация, этнос, регионализм, идентичность, политика ассимиляции.

Вавилов Андрей Николаевич – кандидат политических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, адрес: 19991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, e-mail: a.n.vavilov2020@gmail.com

**POLICY OF NATIONAL CONSOLIDATION IN UKRAINE:
THEORY AND PRACTICE**

VAVILOV A.N. – Candidate of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation, Moscow), e-mail: a.n.vavilov2020@gmail.com

Abstract: The practical implementation of the policy of national consolidation was strongly influenced by such factors as the absence of a common Ukrainian identity formed and rooted in the mass consciousness, the presence of deep and diverse regional differences, as well as the socio-cultural proximity of Ukrainians and Russians, which is especially characteristic of the southeastern regions of the country. The purpose of this article is to study the theoretical and practical aspects of the formation of a political nation in Ukraine after gaining sovereignty in 1991. The article considers the "ethnic" and "political" approaches to the interpretation of the concept of "nation", as well as some theoretical models of the formation of a political nation in Ukraine. Research methodology - consisted in a systematic analysis of the facts and phenomena contributing to the consolidation of Ukraine, as well as in the study of political factors influencing this process. As a result of the study, it was revealed that the task of national consolidation began to act as a priority of the policy of state-building and took the form of Ukrainianization of various spheres of society. The example of politics in the language sphere shows that this strategy was implemented at an accelerated pace and was based on the practice of administrative pressure and prohibitions, which did not contribute to the harmonization of social relations and the strengthening of the unity of Ukrainian society.

Keywords: Ukraine, nation, ethnos, regionalism, identity, assimilation policy.

Введение.

Распад Советского Союза и образование новых независимых государств предоставили исследователям возможность в очередной раз обратиться к проблематике формирования наций, вопросам национальной принадлежности и национальной идентичности. Отказ от советской идеологии и широкий доступ к результатам исследований западной политической науки способствовали тому, что в отечественной политической науке и практике прочно закрепилось понятие «национальный» и производных от него. Например, термины «национальные интересы» и «национальная безопасность» практически полностью заменили как в научном лексиконе, так и в социально-политическом дискурсе привычные для времен СССР сочетания «государственная безопасность» и «государственные интересы», став ключевыми понятиями директивных и концептуальных документов в сфере

внешней и внутренней политики. Указанные термины превратились в важнейшие аналитические категории, позволяющие исследовать социальные процессы, связанные с формированием наций и государственным строительством.

Обращение к зарубежному опыту актуализировало задачу соотнесения его с советской и российской традициями, для чего целесообразно провести разграничение используемых понятий и обратиться к рассмотрению феномена нации и различным подходам к его изучению.

Феномен «нации»: особенности формирования

В научных работах, официальных документах органов государственной власти и управления, в публицистике зачастую происходит синкретизация понятий «этнос», «народ», «народность», «нация», «национальность» и различных производных от них.

Краткий этнологический словарь определяет народность как «одну из форм общности людей, которая исторически следует за родоплеменной общностью и формируется обычно в процессе слияния и консолидации племен, перерастая со временем в нацию»; народ – «в обычном смысле как население государства, страны», а в научном смысле – «как субъект истории, совокупность тех классов, наций, социальных групп общества, которая является его основной производительной и преобразующей силой, главной движущей силой общественного развития»; этнос – «как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих общими чертами и стабильными особенностями культуры, психологического уклада, а также самосознанием, сознанием своего единства и отличия от других подобных образований»; национальность – как «термин, употребляемый для обозначения народностей, наций и др. этнических общностей и групп, исключая племена» (другой смысл данного термина – «обозначение принадлежности человека или групп людей к определенной этнической общности»; и, наконец, нацию – «как исторически сложившаяся на определенной стадии общественного развития устойчивую общность людей, тождественность, идентичность которой основывается на постоянном воспроизведении себя в качестве особого, отличного от других образования по языку, образу жизни (включая экономический аспект), психологическому складу, культуре, защите территориальной целостности, отношению к прошлому и иным компонентам его специфики»¹. На основе приведенных определений можно выстроить последовательность, отражающую уровни развития и степень устойчивости общностей от биологического и культурного к социальному. При этом если понятия «этнос», «народность», «национальность» все же достаточно четко определены, то понятия «народ» и почти тождественное ему «нация» являются дискуссионными.

Следует отметить, что слово «нация» латинского происхождения и является производным от причастия прошедшего времени глагола *nasci*, означающее «ро-

¹ Краткий этнологический словарь. – М.: Российская академия управления, 1994.

диться». Отсюда латинское существительное *nationem*, означающее «порода» или «раса». Когда в конце XIII века это слово было введено в английский язык, оно использовалось в своем первоначальном смысле для обозначения кровнородственной группы. Однако уже к началу XVII века нация обозначала жителей страны независимо от этнокультурной принадлежности¹.

В современной научной литературе можно встретить более десятка различных определений нации, однако их можно свести к двум устоявшимся подходам, которые отражают различные представления о нации, иногда называемым «немецким», или «генеалогическим», и «французским», или «территориальным».

Первое представление восходит к немецкой классической философии XIX века, неся на себе отпечаток философии субъективизма. По мнению его сторонников, нация выражает «народный дух», опирается на единую культуру и общность происхождения. В данном случае речь идет о некотором единстве, которое задается суммой факторов географического, этнического, культурного и исторического характера и т. д. Такая трактовка опирается на рассмотрение исторически сложившегося ядра этнокультурной общности, которое образуют устойчивая традиционная культура, господствующие архетипы, формирующие менталитет нации и национальный характер, которые в свою очередь определяют доминирующий образ жизни, господствующую систему ценностей, экономический уклад и другие элементы. Такая трактовка лежит в основе понимания нации как этнической общности. Как указывают исследователи, подобное понимание нации чаще демонстрируют общества Восточной Европы и Евразии².

В Западной Европе, где господствует индивидуализм, общественная мысль склонна прежде всего видеть свободный выбор автономной личности, отодвигая на второй план факторы, задаваемые этнокультурными характеристиками населения, осуществляющего свой свободный политический выбор. Поэтому неслучайно, что «французское» представление о нации отсчитывает свою историю от Великой французской революции. Французскому историку Э. Ренану принадлежит известное высказывание на этот счет: «Нация – это ежедневный плебисцит»³. Это представление основано на понимании нации как свободного сообщества, построенного на политическом выборе и формирует современное понятие «политической» или «социальной» нации. Сегодня наиболее яркий пример общества, воплотившего на практике принцип политической нации, – США. Следует также отметить, что такой подход нашел свое отражение в документах и практике ООН.

Далее, большинство ученых так или иначе связывает формирование наций с обретением ими собственной государственности. Так, М. Вебер фактически ото-

¹ Этнос и политика: Хрестоматия / Авт.-сост. А. Прусаускас. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – С. 60-61.

² Яковенко И. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. – М.: Новый хронограф, 2008. – С. 176.

³ Там же.

ждествлял государство и нацию. Он подчеркивал, что государство может существовать только до тех пор, пока оно подкрепляется чувством национального единства. Государство-нация, по его мнению, представляет собой качественно новый культурный синтез, поглощающий этнические различия. При этом национальное в его трактовке приобретает смысл социальной солидарности, согражданства, желания ассоциировать себя с конкретной общностью. Такой синтез возможен только при наличии такой политической организации, как государство¹. Британский исследователь Э. Геллнер также рассматривает становление наций как, прежде всего, результат целенаправленной деятельности государства, подчеркивая при этом значение образования в эпоху индустриальной революции². К. Дойч, автор функциональной теории нации, говорит о том, что народ становится нацией, лишь когда создает свое государство. Среди характерных признаков нации он выделяет интенсивный уровень социальной коммуникации, связывая становление наций, прежде всего, с развитием коммуникаций в пределах этнокультурных ареалов и переходом от натурального хозяйства к экономике обмена, а также с развитием концепции интереса у индивидов и групп и ростом самосознания³. А известный британский историк Э. Смит рассматривает формирование наций как следствие «тройственной революции» – качественных сдвигов в сферах экономики, политики и культуры. Помимо названных факторов также для превращения социальной общности в нацию необходимы «критическая масса населения, определенный уровень социокультурной дифференциации, формирование внутреннего рынка»⁴.

Таким образом, значительное число исследователей убеждены в том, что нация и государство представляют собой нерасторжимое единство, более того, нация вообще немислима без государства. Другие не склонны придавать связи нации и государства столь абсолютный характер, в том числе потому, что в этом случае теряет всякий смысл тезис о праве наций на самоопределение, поскольку нация уже есть самоопределившаяся в самостоятельное государство общность и вне государства нация есть понятие бессодержательное. Так, например, если исходить из того, что польская нация формируется в конце XVIII – первой половине XIX века, то с середины XIX века по 1916 год Польша имела национальные интересы, но не имела государственных в связи с отсутствием собственного государства. Как раз обретение государственности и являлось в тот период приоритетом польской нации.⁵

В работах российских авторов также отмечается следование двум указанным

¹ Троицкий К. Нация и национальное государство в представлениях М. Вебера // Социологические исследования. – 2016. – № 8. – С. 106-116.

² Этнос и политика: Хрестоматия / Авт.-сост. А. Прусаускас. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – С. 76– 77.

³ Там же. – С. 75.

⁴ Там же. – С. 86-94.

⁵ Яковенко И. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. – М.: Новый хронограф, 2008. – С. 266.

подходам. Иногда отечественных ученых в зависимости от отношения к вопросу о сущности и происхождении нации делят на «западников» и «традиционалистов»¹. Западники полагают, что нация – это социально-политическая категория и должна рассматриваться как согражданство всех (независимо от национальности) граждан данного государства. Так, выдающийся русский историк В. Ключевский считал, что только тогда, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона, народ становится нацией. Известный российский политолог Э. Поздняков в своей работе «Нация. Национализм. Национальные интересы» пишет: «Если не теория, то практика достаточно убедительно свидетельствуют, что большинство наций формировалось при определяющей роли государства. Вне государства мы можем говорить об этносе, народности, но не о нации».² Отсюда становится вполне понятной трактовка национализма главным образом в качестве национальной идеи – как облечения в специфически национальную форму политической приверженности интересам своего государства. Основным интегрирующим фактором такой общности, как нация, по мнению западников, выступает политическая организация и связанные с ней политические отношения в обществе. Из такого понимания вытекает, в частности, что нацией должна считаться и часть какой-либо этнической группы, выделившаяся в качестве независимого государства. Согласно воззрениям западников, в России существует лишь одна нация – российская, под которой следует понимать совокупность всех народов, этносов, национальностей, проживающих в стране. Такой подход можно признать наиболее распространенным в настоящее время.

В отличие от западников, традиционалисты убеждены, что понятие «нация-государство» применимо лишь для мононациональных государств. В многонациональных же государствах под нациями следует понимать населяющие их народы с высоким уровнем национального развития, то есть имеющие свою территорию преимущественного расселения, язык, культуру, самосознание, нравы и обычаи. Таким образом, традиционалисты рассматривают нацию не как нацию-государство, а как этническую группу, что соответствует существующему на Западе понятию «этническая нация» – «этноция» (от французского «ethnic»), или «культурная нация». Следуя в русле этой традиции, советские ученые вкладывали в прилагательное «национальный» такой же смысл, какой в западной политологии имели прилагательные «этнический» и «этнополитический». Так, в известной работе И.В. Сталина «Марксизм и национально-колониальный вопрос» нация определялась как исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющаяся в общности культуры³.

¹ Алексеев С., Каламанов В., Черненко А. Идеологические ориентиры России. – М: Книга и бизнес, 1998, – С.20.

² Поздняков Э. Нация. Национализм. Национальные интересы. – М.: Прогресс, 1994. – С. 52.

³ Сталин И. Сочинения. Т. 2. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы,

При этом для российской этнографии, историографии и философии характерно использовать в тех же значениях, которые может иметь понятие «нация», слово «народ»: народ как моноэтническая общность и народ как все многонациональное население государства или части его территории. Соответствующие интерпретации понятий «народ» и «нация» практически эквивалентны, но отличие этих понятий на уровне смысловых оттенков состоит в том, что понятие «народ» не акцентирует связь с государством и политикой.

Таким образом, можно констатировать, что в науке идет речь о двух принципиально разных подходах к пониманию нации: нация в гражданском смысле (гражданская нация, или государство-нация) и нация в этническом смысле. Было бы неверно ограничивать рассмотрение политической и этнической трактовки нации их противопоставлением. Этническое и национальное имеют единую основу, но используются в различных системах координат: национальное преимущественно как социально-политическая характеристика, а этническое – как социально-культурная. При этом, имея в своей основе общие объективные предпосылки – территорию, формирующиеся на ней духовные и экономические уклады, они выражают различные основания социальной интеграции: этническое – по принципу культурного, исторического и духовного единства, национальное – на основе единства государственности. Нация является состоянием общества и государства, достигаемое лишь на определенной ступени общественного развития, предполагающей особую политическую культуру, что несколько не умаляет значения этнических, культурно-исторических, географических и прочих факторов, определяющих становление и развитие конкретной нации. Характер и степень влияния всей совокупности факторов позволяют говорить о национально-культурной самобытности, независимо от того идет ли речь о «политической» или «этнической» нации. В западной политологии это явление определяют термином «identity» (англ.), «identität» (нем.), который обозначает своеобразие по отношению к окружению. Российские ученые заимствовали его в форме понятия «идентичность», хотя первоначально это слово в русском языке трактует сходство, или равнозначность.

Этнический состав позволяет классифицировать политические нации на моноэтнические (гомогенные) и полиэтнические (гетерогенные). Второй тип, в свою очередь, может включать два подвида: «этносистемные» и «социализированные» нации¹. Примером социализированной нации, выступает случай «плавильного котла» при отсутствии территориально оформленных этносов. Этносистемная нация может быть определена как «исторически сформировавшаяся определенным образом этническая система, состоящая из коренных этносов, имеющая свою внут-

1946. – С. 296.

¹ Чернов П. Россия: этногеополитические основы государственности. – М.: «Восточная литература» РАН, 1999. – С. 76.

ренную этноиерархию, обладающая государственностью и неповторимыми имманентными национально-психологическими чертами»¹. Основываясь на данном определении, к основным признакам этносистемной нации следует отнести: наличие определенных внутриэтнических связей и взаимоотношений, подчиненных иерархии, сложившейся в результате исторического этногенеза; наличие этнодоминанты, а также значительной степени целостности, высокий уровень организации, большую степень взаимозависимости элементов и целого; соответствующую модель государственного устройства, на современном этапе, как правило, в форме симметричной или асимметричной федерации.

Внутриполитическое развитие постсоветской Украины служит яркой иллюстрацией для изложенных выше теоретических положений.

На момент обретения независимости Украина представляла собой пример этносистемной социальной общности. При наличии этнической доминанты – украинцев, второй по численности этнической группы – русских, на территории страны также проживало около 130 этнических групп. В соответствии с результатами переписи населения в УССР в 1989 году из 51 452 тыс. жителей республики украинцы составляли 37 419 тыс., а русские – 11 356 тыс. человек (22,1 % населения). Доля русского и русскоязычного населения в юго-восточных областях была существенно выше. Такая структура украинского общества актуализировала целый ряд проблем, связанных с формированием региональной, культурной и образовательной политики, учитывающей этническое многообразие. Однако в реальности их решение оказалось подчинено более важной и масштабной задаче – задаче ускоренного формирования политической нации на базе этнического ядра украинского общества. При этом Украина стала также и примером доминирующего и принципиального значения государственности для формирования политической нации. Эта бывшая советская республика обрела суверенитет вовсе не в результате многолетней борьбы за самоопределение, а ее население в 1991 году представляло собой в гораздо большей степени часть единой советской общности, чем стремящаяся к независимости нацию. Следует согласиться с тем, что в отличие от ряда государств с высоким уровнем социокультурного разнообразия, проблема идентификации украинского общества стала решаться не до обретения суверенитета, а постфактум². Как заявил на втором всемирном форуме украинцев Л. Кучма, «не только нации создают государства, но и государства нации»³.

¹ Там же.

² Вендина О.И., Колосов В.А., Попов Ф.А., Себенцов А.Б. Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // Полис. – 2014. – № 5. – С. 51–67.

³ Смолин М. Украинский туман должен рассеяться, и русское солнце взойдет. Укратиофильство в России. Идеология раскола // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. – М. 1998. – С. 20.

Украинское государство столкнулось с тем, что украинская идентичность представляла собой феномен в стадии становления, что было очевидно особенно в первые годы независимости. Президент Ассоциации социологов Украины М. Шульга в связи с этим указывал на то, «что Украина существовала как географическая территория, еще не означает функционирования в ней общества»¹. Данная проблема усугублялись исторически присущим Украине социокультурным многообразием. С первых лет независимости в украинской внутренней политике важнейшую роль стали играть различные проявления регионализма. Так, например, на востоке и западе страны наблюдался различный уровень легитимности украинской государственности при низком уровне лояльности к ней в обществе в целом. В 1991 году состоялся референдум в Крыму, на котором 93 % высказались за воссоздание Крымской Автономной ССР как субъекта Союза ССР. В тот же день прошел референдум в Закарпатье, на котором 79 % поддержали особый статус региона в составе Украины. В 1994 году прошли референдумы в Донецкой и Луганской областях Украины, на которых в пользу федерализации страны высказалось более 80 %. Компактно проживающие венгры также продемонстрировали автономистские устремления.

Такая активность регионов в выдвигании проектов госстроительства в тот период ставила под сомнение состоятельность проекта украинской государственности и сама по себе являлась свидетельством плюрализма в подходах к государственному строительству на территории бывшей УССР. Глубокие региональные различия являлись серьезным препятствием на пути формирования на Украине политической нации. Как отмечал А. Мальгин, идея единства Украины, которую иногда называют «соборностью», оставалась «в большой мере теоретическим конструктом...»².

Кроме того, в период становления государственности суверенитет и независимость не являлись для значительной части украинцев высшей ценностью. Так, на востоке Украины процент жителей, которые не отождествляли себя с основными социальными общностями, оказался достаточно высок. «Половина русских, проживающих на Украине и демонстрирующих объективно фиксируемый кризис гражданской идентичности, не только не отождествляет себя с украинским государством, но и не стремится к подобной идентификации»³. В 1996 году 31 % украинцев высказались за объединение с Россией рамках единого государства (в 1994 году – 41 %) ⁴. Значительная часть граждан Украины вообще выражала сомнения в перспективах

¹ Шпорлюк Р. Украина: от периферии империи к суверенному государству // Украина и Россия: общества и государства. – М.: «Права человека», 1997. – С.44.

² Мальгин А.В. Соборность и регионализм в политической жизни современной Украины // Ученые записки Таврического национального университета им. В. Вернадского. Сер. «География». – 2004.– №4. – С.190.

³ Павленко В., Корж Н. Кризис социальной идентичности в России и на Украине // Украина и Россия: общества и государства. – М.: «Права человека», 1997. – С. 342.

⁴ Колосов В.А. Примордиализм и современное национально-государственное строительство // Полис. – 1998. – № 3. – С. 101.

независимого развития страны¹. Показательно, что государственная символика Украины долгое время не признавалась в восточных регионах Украины, где на многих зданиях местных органов власти долгое время продолжал развеваться старый, советский флаг УССР.

Проблема социокультурного регионализма при слабо выраженной украинской идентичности усугублялась этнической близостью украинцев с русскими и чрезвычайно обширными и глубокими социальными связями двух народов, что особенно характерно для юго-восточных регионов Украины. Как отмечает П. Толочко, «жители центральной, восточной и южной Украины имеют больше общего с населением сопредельных регионов России и Белоруссии, чем со своими соотечественниками на западе Украины»².

Различия региональных социокультурных укладов и тесные гуманитарные и экономические связи восточного макрорегиона с Россией выступали основанием для опасений того, что станет реальной перспектива отделения восточной части Украины и присоединения ее к России или создания отдельной Русской Украины, ориентированной на Восток³. На этом фоне преодоление препятствий на пути национальной консолидации и укрепления национальной идентичности воспринималось украинской элитой в качестве важнейшей задачи национально-государственного строительства⁴. Как отмечают видные представители американского политико-академического сообщества, утверждение собственной идентичности стало куда более важной и политически значимой задачей в первые годы независимости, чем, например, для Беларуси⁵.

Избранный курс на решение данной задачи достаточно точно и емко описывает модель, предложенная А. Степаном, которую он определил как «нацию-государство»⁶. Ее основными структурными элементами являются следование единой культурной цивилизационной традиции, государственная политика ассимиляции в сфере культуры, выбор в пользу централизованного государственного устройства. Р. Саква характеризовал такое видение украинской государственности как монисти-

¹ Makeev S. Regional differences in the assessment of economic and socio-political situation // Political portrait of Ukraine. Bulletin. – 1996. – № 15. – С. 72-73.

² Толочко П. НАТО – новый цивилизационный выбор Украины? // Заявка на самоубийство: зачем Украине НАТО? – К.: Довіра; Х.: Фоліо, 2009. – С. 305.

³ Мечи и орала: экономика национальной безопасности Беларуси и Украины / Под редакцией Р. Легволда и С. Уолландер. – Кембридж, 2003. – С. 10.

⁴ Грицак Я.И. Страсти за национализмом. Историчні есеї. – Київ: Критика, 2004. – С. 216-228; Миллер А.И. Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. – 2007. – № 1 (33). – С. 84-86.

⁵ Мечи и орала: экономика национальной безопасности Беларуси и Украины / Под редакцией Р. Легволда и С. Уолландер. – Кембридж, 2003. – С. 10.

⁶ Stepan A. Ukraine: Improbable Democratic “Nation-State” But Possible Democratic “State-Nation”? // Post-Soviet Affairs. – 2005. – № 4. – P. 279-308.

ческий национализм, отметив те же характерные черты¹.

А. Степан обращает внимание на то, что наличие потенциальной ирредентистской угрозы со стороны России для Украины выступает основным фактором выбора данной модели². Территория нынешней Украины практически всегда входила в состав исторической России, русские, как этнос, являются доминирующим в РФ, составляет он и значительный процент на Украине. И это создает основу для возможной ирреденты. И именно в этом заключается отличие ситуации на Украине, по сравнению с теми странами, ситуация в которых может быть описана при помощи альтернативной плюралистичной модели («государство-нация»), например, в Бельгии, Канаде и Испании.

Для характеристики процесса формирования политической нации на Украине может быть использована и предложенная Э. Спайсером оппозиционная модель, в соответствии с которой этнические различия сохраняются благодаря межэтническим контактам в тех случаях, когда одна идентичность противопоставляется другой³. В основе указанной модели также лежит фактор тесной этнической близости русских и украинцев. Э. Спайсер полагал, что причина выживания этнических групп – в постоянном сопротивлении соседям: история сопротивления попыткам ассимиляции, передаваемая из поколения в поколение, способствовала усилению коллективной солидарности. Нетрудно заметить, что в условиях постсоветской Украины укрепление идентичности естественным образом строилось за счет противопоставления России и русским. В этой связи показательно не только название, но и содержание монографии второго президента Украины Л. Кучмы «Украина – не Россия».

Реализация модели «нация-государство» проявилась, прежде всего, в политике всесторонней украинизации. Ее идеологической основой в значительной мере стали воззрения украинских националистов. В результате, по оценке Д. Фурмана, «Запад выступил в качестве политического центра страны, зоны ее политических инноваций, в то время как восток – периферией»⁴.

В результате острой фазы политического конфликта 2004–2005 годов, вошедшего в историю как «оранжевая революция», к власти на Украине пришли прозападные и националистические силы, которые предприняли ряд шагов во внешней и внутренней политике, которые обостряли и без того острые противоречия между западом и востоком. Был взят курс на форсированную украинизацию, реализацию инициатив в сфере образования, культуры и языка, направленных на вытеснение

¹ Саква Р. Линия фронта – Украина. Кризис на пограничных территориях / Пер. с англ. Л. Игоревского. – М.: ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2015. – С. 34.

² Stepan A. Ukraine: Improbable Democratic “Nation-State” But Possible Democratic “State-Nation”? // *Post-Soviet Affairs*. – 2005. – № 4. – P. 279-308.

³ Spicer E. Persistent culture System // *Science*. – 1971. № 174, p. 795-800.

⁴ Furman D. Centres and Peripheries: The Political Systems of the The Three East Slavic Republics. // *Russian politics and law*. – 1999. – № 37. – P. 16-35.

русского языка и культуры из общественного пространства Украины, отрицание исторической общности России и Украины. Была запущена масштабная кампания по переоценке и искажению значимых эпизодов украинской истории, дискредитации советского периода истории Украины и России как правопреемницы СССР. Эта кампания вдохновлялась украинскими националистами и опиралась на одобрение в западном макрорегионе, одновременно встречая раздражение и неприятие на востоке, большинство жителей которого воспринимали такую политику формирования общенациональной идентичности как грубое навязывание западноукраинской модели, не учитывающее местные особенности¹.

Притом что «оранжевая революция, безусловно, придала мощный импульс политике украинизации, следует также подчеркнуть, что политика ползучей украинизации имела характер долгосрочной стратегии и проводилась при всех украинских президентах. Возглавив кабинет министров в 2006 году В. Янукович фактически отказался от предвыборных обещаний в вопросе языка. В универсале национального единства (2006 год) украинский язык был назван единственным государственным, а использование других языков, в том числе русского, считалось «возможным только в соответствии с Европейской хартией региональных языков и языков нацменьшинств»². Хотя при этом осенью 2007 года в ходе очередной парламентской избирательной кампании в программу «Партии регионов» снова были включены положения о проведении референдума о придании русскому языку статуса второго государственного. При В. Януковиче на официальный сайт президента Украины был возвращен раздел, посвященный голодомору.

Заключение

Не ставя под сомнение практическую ценность и потенциальную эффективность рассмотренных моделей формирования политических наций в условиях полиэтничных обществ, необходимо признать, что их практическая реализация на Украине не соответствовала декларируемым, прежде всего, в Европе принципам поддержания гражданского мира на основе толерантности и уважения прав человека и вступала в противоречие с провозглашенными гуманистическими идеалами и ценностями. Политика в сфере языка стала одним из наглядных свидетельств того, что избранный Киевом курс на национальную консолидацию имел в своей основе, прежде всего, практику административного давления и запретов. Так, в 1989 году в УССР был принят закон «О языках в Украинской ССР», в котором был

¹ Вендина О. Украина между Россией и Польшей: как развитие украинско-польского трансграничного сотрудничества влияет на ситуацию в российско-украинском приграничье // Российско-украинское приграничье: двадцать лет разделенного единства // под ред. В.А. Колосова и О.И. Вендиной. – М.: Новый хронограф. 2011. – С. 270–307.

² Универсал национального единства. Корреспондент. Net. 3 августа 2006 г. Режим доступа: URL: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/160668-universal-nacionalnogo-edinstva-tekst>, (дата обращения: 15.12. 2020).

закреплен статус украинского языка как единственного государственного¹. Это был первый шаг на пути формирования моноязычия на Украине.

В целом за 16 лет независимости Украины проводилась языковая политика в интересах сформировавшейся украинской этнократии с ее галичанской идентичностью, ограничивающих использование русского языка, языков нацменьшинств, что привело к нарушению прав более 30 % населения страны. Сам же феномен этнократии на Украине стал ключевым элементом модели нациестроительства (монистический национализм), избранной и реализуемой украинской правящей элитой. Именно эта институционализированная модель способна дать полное представление о специфике проводимой этнонациональной политики на Украине.

Следует также признать и то, что практическая реализация модели «нация-государство» не только подорвала единство Украины, нанесла невосполнимый ущерб российско-украинским отношениям, но и в конечном счете создала условия и предпосылки для той трагедии гражданского противостояния, которая продолжается и по сей день.

Библиография/References

1. Алексеев С., Каламанов В., Черненко А. Идеологические ориентиры России. – М.: Книга и бизнес, 1998. – 981 с.
2. Вендина О. Украина между Россией и Польшей: как развитие украинско-польского трансграничного сотрудничества влияет на ситуацию в российско-украинском приграничье // Российско-украинское приграничье: двадцать лет разделенного единства / под ред. В.А.Колосова и О.И.Вендиной. – М.: Новый хронограф, 2011. – С. 270-307.
3. Вендина О.И., Колосов В.А., Попов Ф.А., Себенцов А.Б. Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // ПОЛИС. Политические исследования. – 2014. – № 5. – С. 51-67.
4. Грицак Я.И. Страсті за націоналізмом. Історичні есеї.– Київ: Критика, 2004.
5. Колосов В.А. Примордиализм и современное национально-государственной строительство // ПОЛИС. Политические исследования. – 1998. – № 3. – С. 95– 106.
6. Краткий этнологический словарь. – М.: Российская академия управления, 1994. – 842 с.
7. Макеев С. Регіональні відмінності в оцінці економічної та соціально-політичної ситуації // Політичний портрет України. Бюлетень. – 1996. – №15. – С.72-73.
8. Мальгин А.В. Соборность и регионализм в политической жизни современной Украины // Ученые записки Таврического национального университета им. В.Вернадского. Серия: География. – 2004. – № 4. – С. 181-202.

¹Русский язык на Украине. Книга 1. Законодательство / Ред. М. Погребинский - Х.: Харькiвський приватний музей мiської садиби, 2010. – 361 с.

9. Мечи и орала: экономика национальной безопасности Беларуси и Украины / Под редакцией Р. Легволда и С. Уолландер. – Кембридж, 2003. – 311 с.
10. Павленко В., Корж Н. Кризис социальной идентичности в России и на Украине // Украина и Россия: общества и государства. – М.: «Права человека», 1997. – С. 330-344.
11. Поздняков Э. Нация. Национализм. Национальные интересы. – М.: Прогресс, 1994. – 122 с.
12. Русский язык на Украине. Книга 1. Законодательство / Ред. М. Погребинский - Харьков: Харьківський приватний музей міської садиби, 2010. – 361 с.
13. Саква Р. Линия фронта – Украина. Кризис на пограничных территориях / Пер. с англ. Л. Игоревского. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. – 415 с.
14. Смолин М. Украинский туман должен рассеяться, и русское солнце взойдет. Укратиофильство в России. Идеология раскола // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. – М., 1998. – С. 18– 22.
15. Сталин И. Сочинения. Т. 2. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. – 368 с.
16. Толочко П. НАТО-Новый цивилизационный выбор Украины? // Заявка на самоубийство: зачем Украине НАТО? – Киев: Довіра. – Харьков: Фоліо, 2009.
17. Троицкий К. Нация и национальное государство в представлениях М. Вебера // Социологические исследования. – 2016. – № 8. – С. 106–116.
18. Универсал национального единства // Корреспондент. Net. 3 августа 2006 г. – URL: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/160668-universal-nacionalnogo-edinstva-tekst> (дата обращения: 15.12.2020).
19. Чернов П. Россия: этногеополитические основы государственности. – М.: «Восточная литература» РАН, 1999. – 208 с.
20. Шпорлюк Р. Украина: от периферии империи к суверенному государству // Украина и Россия: общества и государства. – М.: «Права человека», 1997. – С. 55– 63.
21. Этнос и политика: Хрестоматия / Авт.-сост. А. Празаускас. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 400 с.
22. Яковенко И. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. – М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.
23. Furman D. Centres and Peripheries: The Political Systems of the The Three East Slavic Republics // Russian politics and law. – 1999. – № 37. – P. 16– 35.
24. Spicer E. Persistent culture System // Science. – 1971. – № 174, p. 795-800.
25. Stepan A. Ukraine: Improbable Democratic «Nation-State» But Possible Democratic «State-Nation»? // Post-Soviet Affairs. – 2005. – № 4. – P. 279-308.

1. Alekseev, S., Kalamanov, V., Chernenko, A. (1998) Ideologicheskie orientiry Rossii [Ideological guidelines of Russia]. – M.: Kniga i biznes. – 981 p. (In Russ.)
2. Vendina, O. (2011) Ukraina mezhdru Rossiei i Pol'shei: kak razvitie ukrainsko-pol'skogo transgranichnogo sotrudnichestva vliiaet na situatsiiu v rossiisko-ukrainskom prigranich'e [Ukraine between Russia and Poland: how the development of Ukrainian-Polish cross-border cooperation affects the situation in the Russian-Ukrainian border area] // Rossiisko-ukrainskoe prigranich'e: dvadtsat' let razdelenogo edinstva [Russian-Ukrainian border area: twenty years of divided unity] / pod red. V.A.Kolosova i O.I.Vendinoi. – M.: Novyi khronograf. – P. 270– 307. (In Russ.)
3. Vendina, O.I., Kolosov, V.A., Popov, F.A., Sebentsov, A.B. (2014) Ukraina v politicheskom krizise: obraz Rossii kak katalizator protivorechii [Ukraine in a political crisis: the image of Russia as a catalyst for contradictions] // POLIS. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies]. – № 5. – P. 51– 67. (In Russ.)
4. Gritsak, Ia.I. (2004) Strasti za natsionalizmom. Istorichni eseï [Passion for nationalism. Historical essays]. – Kiïv: Kritika. (In Ukr.)
5. Kolosov, V.A. (1998) Primordializm i sovremennoe natsional'no-gosudarstvennoi stroitel'stvo [Primordialism and modern national-state building] // POLIS. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies]. – № 3. – P. 95– 106. (In Russ.)
6. Kratkii etnologicheskii slovar' [Brief ethnological dictionary]. – M.: Rossiiskaia akademiia upravleniia, 1994. – 842 p.(In Russ.)
7. Makeev, S. (1996) Regional'ni vidminnosti v otsintsi ekonomichnoi ta sotsial'no-politichnoi situatsii [Regional visibility in the assessment of the economic and social and political situation] // Politichnii portret Ukraïni. Biulleten' [Political portrait of Ukraine. Bulletin]. – № 15. – P.72-73. (In Ukr.)
8. Mal'gin, A.V. (2004) Sobornost' i regionalizm v politicheskoi zhizni sovremennoi Ukraïny [Sobornost and regionalism in the political life of modern Ukraine] // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.Vernadskogo. Serii: Geografiia [Scientific Notes of the Tavricheskiy National University named after V. Vernadsky. Series: Geography]. – № 4. – P. 181– 202. (In Russ.)
9. Mechi i orala: ekonomika natsional'noi bezopasnosti Belarusi i Ukraïny [Swords and plowshares: the national security economy of Belarus and Ukraine] / Pod redaktsiei R. Legvolda i S. Uollander. – Kembriđzh, 2003. – 311 p. (In Russ.)
10. Pavlenko, V., Korzh, N. (1997) Krizis sotsial'noi identichnosti v Rossii i na Ukraïne [The crisis of social identity in Russia and Ukraine] // Ukraïna i Rossiia: obshchestva i gosudarstva [Ukraine and Russia: societies and states]. – M.: «Prava cheloveka». – P. 330-344. (In Russ.)
11. Pozdniakov, E. (1994) Natsiia. Natsionalizm. Natsional'nye interesy [Nation. Nationalism. National interests]. – M.: Progress. – 122 p. (In Russ.)

12. Russkii iazyk na Ukraine. Kniga 1. Zakonodatel'stvo [Russian language in Ukraine. Book 1. Legislation] / Red. M. Pogrebinskii - Khar'kov: Khar'kivskii privatnii muzei mis'koï sadibi, 2010. – 361 p. (In Russ.)

13. Sakva, R. (2015) Liniia fronta – Ukraina. Krizis na pogranichnykh territoriakh [Front line - Ukraine. The crisis in the border areas] / Per. s angl. L. Igorevskogo. – M.: ZAO Izdatel'stvo Tsentrpoligraf. – 415 p. (In Russ.)

14. Smolin, M. (1998) Ukrainskii tuman dolzhen rasseiat'sia, i russkoe solntse vzdoidet. Ukrainofil'stvo v Rossii. Ideologiya raskola [Ukrainian fog should dissipate, and the Russian sun will rise. Ukrainophilism in Russia. The ideology of the split] // Ukrainskii separatizm v Rossii. Ideologiya natsional'nogo raskola [Ukrainian separatism in Russia. Ideology of national schism]. – M. – P. 18-22. (In Russ.)

15. Stalin, I. (1946) Sochineniia. T. 2 [Works. T. 2]. – M.: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. – 368 p. (In Russ.)

16. Tolochko, P. (2009) NATO-Novyi tsivilizatsionnyi vybor Ukrainy? [NATO-Ukraine's New Civilizational Choice?] // Zaiavka na samoubiistvo: zachem Ukraine NATO? [Application for suicide: why does Ukraine need NATO?]. – Kiev: Dovira. – Khar'kov: Folio. (In Russ.)

17. Troitskii, K. (2016) Natsiia i natsional'noe gosudarstvo v predstavleniakh M. Vebera [Nation and national state in the views of M. Weber] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Research]. – № 8. – P. 106-116. (In Russ.)

18. Universal natsional'nogo edinstva [Universal of national unity] // Korrespondent. Net [Correspondent. Net.]. 3 avgusta 2006 g. – URL: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/160668-universal-nacionalnogo-edinstva-tekst> (data obrashcheniia: 15.12.2020). (In Russ.)

19. Chernov, P. (1999) Rossiia: etnogeopoliticheskie osnovy gosudarstvennosti [Russia: ethno-geopolitical foundations of statehood]. – M.: «Vostochnaia literatura» RAN. – 208 p. (In Russ.)

20. Shporliuk, R. (1997) Ukraina: ot periferii imperii k suverennomu gosudarstvu [Ukraine: from the periphery of an empire to a sovereign state] // Ukraina i Rossiia: obshchestva i gosudarstva [Ukraine and Russia: societies and states]. – M.: «Prava cheloveka». – P. 55-63. (In Russ.)

21. Etnos i politika [Ethnicity and politics]: Khrestomatiiia / Avt.-sost. A. Prazauskas. – M.: Izd-vo URAO, 2000. – 400 p. (In Russ.)

22. Iakovenko, I. (2008) Rossiiskoe gosudarstvo: natsional'nye interesy, granitsy, perspektivy [Russian state: national interests, borders, prospects]. – M.: Novyi khronograf. – 320 p. (In Russ.)